

УДК 94 (470.64)

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-2-47-713

МАРГЪУЩЕЙ («МАРГУШЕВСКИЙ АУЛ») – LOCUS MAJORIS КАБАРДЫ В ПЕРИОД ЕРМОЛОВСКОГО НАСТУПЛЕНИЯ (1819–1822)

Алоев Тимур Хазраилович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), aloborsa@mail.ru

Разворачивавшаяся на протяжении более шестидесяти лет хаджретская эпопея составила целую эпоху и образовала «особый профиль» в черкесском Сопротивлении в годы Кавказской войны. Всестороннего изучения фактологической ткани столь масштабного и многомерного феномена и его надлежщего концептуального осмысления на данном этапе не достигнуто. В настоящей работе предпринята попытка рассмотрения процессов, определявших сущностные черты хаджретского движения в переломный для Большой Кабарды период 1819–1822 гг. сквозь призму хорографической перспективы. Исследовательское внимание сосредоточено на позиции хаджретского села Маргъушей, обособившегося на кубанском левобережье еще в начале столетия в актуальной военно-политической конфигурации, определявшей положение ведущего восточночеркесского княжества. Изначально предполагался лишь историко-локальный фокус рассмотрения положения вотчины черкесских джыжьыныгъуэ Маргуш с презумпцией периферийности связанных с ней сюжетов. Однако плотность, характер и динамика событий, соотносимых с маргушевским присутствием в Восточном Закубанье данного периода обусловили правомерность помещения этой сюжетной линии в центр хаджретского нарратива.

Ключевые слова: Маргъушей, Маргушевский аул, хаджреты, Кабарда, Кавказская линия, Черкесия, военное противостояние, Восточное Закубанье.

В одном из документов, относящихся к первой половине XIX в. упоминается поход российских войск и разорение за Кубанью «Маргушевского аула» в 1819 г. Ранее, рассуждая над сюжетами, имевшими отношение к этому событию, мы посчитали, что речь идет об анахронизме, допущенном в источнике [Алоев 2019: 24]. Основанием для такого заключения явились некоторые его особенности. Документ, в котором содержалось упоминание о событии, датируется 1842 г., т.е. временной промежуток между «фактом» и его фиксацией составляет без малого четверть столетия. Возможно поэтому в нем допущена, к примеру, заведомая ошибка, когда утверждается, что предприятие 1819 г. за Кубанью было осуществлено «под начальством главнокомандующего отдельным Кавказским корпусом генерал-лейтенанта Ермолова» [ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 5. Д. 8. Л. 12–13]. Мысль о возможности допущения банальной небрежности при занесении тех или иных заслуг (речь шла о типизированном документе – «послужном списке») в ведомственный документ во многом также представлялась не лишеной здравого смысла. Если же иметь ввиду, что позднее Маргъушей действительно становился объектом пристального внимания со стороны российского командования, и он, не единожды подвергался сокрушительным ударам в поворотный для Кабарды

период нескольких месяцев конца 1821 – середины 1822 г., то гипотеза о вероятной аберрации ретроспективного чиновничьего взгляда из конкретной временной точки 1842 г. обретала большую убедительность.

Однако при внимательном взгляде на общую картину событий становится возможной и иная линия рассуждений. Следуя ей обнаруживается, что упомянутое сообщение вполне вписывается в актуальный исторический контекст ситуации на Линии и производит впечатление достоверного события. Это видно из следующих обстоятельств. В мае 1818 г. русские войска по личному указанию Ермолова сожгли расположенное недалеко от Константиногорской крепости черкесское село Трам(а). Рассуждая по этому поводу В.А. Потто сначала артикулирует фактор «беглых кабардинцев» [Потто 1904: 23], а затем приводит одну из явно нежелательных издержек этого нападения, вызвавшего у его инициатора с трудом скрываемое чувство острого беспокойства. Так, Ермолов, адресуясь к «князю-валию» Жанхотуко Кушуку, пишет: «Доходят до меня слухи, что жители Трамова аула хотят переселиться за Кубань для того, чтобы делать разбои в границах наших... Я надеюсь, что вы удержите их от сего бессмысленнаго намерения, ибо они разбоем не приобретут того, что могу я им доставить если останутся спокойными жителями в Кабарде. Я раз наказал неприязненные их поступки, и не один раз могу быть им полезным, ежели воздержатся они от шалостей» [Потто 1904: 24]. Значимость данного пассажа повышается если учесть, что генерал четко осознавал и обозначал «закубанский» фактор в кабардинских делах и до этого эксцесса [Потто 1904: 20]. Принимая во внимание устоявшуюся позицию «Маргушевской деревни» с середины первого десятилетия XIX в. в системе взаимодействия политических игроков региона [Алоев 2020], очевидно, что ее присутствие в Восточном Закубанье правомерно рассматривать как важную компоненту устойчивости «закубанского» фактора, рассматривавшегося российским командованием в качестве серьезного вызова. Ознакомившись осенью 1818 г. с ситуацией на месте, Ермолов не замедлил с мерами, направленными на исправление «распушенности пограничного населения, и оплошности передовой стражи, не всегда умевшей справляться с храбрым противником». Безотлагательно последовало кадровое решение – командующий войсками на Кавказской линии пожилой и безынициативный И.П. Дельпоццо, «который, по выражению Ермолова, своюю чрезмерною слабостью развил в кабардинцах самую склонность к разбоям и преступлениям» был снят с должности. Его сменил генерал-майор Сталь, приступивший к своим обязанностям в марте 1819 г. [Потто 1904: 27]. От аттестованного как человека «цициановской школы», командовавшего при Глазенапе целым полком офицера определенно ожидалась большая активность нежели от отставленного начальника. Показательно, что и полномочия ему были даны соответствующие. Он приступил к исполнению своих обязанностей в условиях, когда, в отличие от предыдущих нескольких лет, российским войскам было разрешено «переходить Кубань и преследовать хищников в их собственных землях» [Потто 1904: 96]. Немаловажно учесть, что именно в это время (1819) «слабые полки» – Суздальский и Вологодский были сменены Тенгинским и Навагинским [Потто 1904: 94]. Одним из проявлений активизации «линейного» начальства связанной со сменой командующего и дополнительным штрихом, иллюстрирующим полученный Сталем карт-бланш в отношении черкесских оппонентов предстает то обстоятельство, что именно в это время (1819) генерал предпринимает попытку устранения одного из влиятельных политических фигур в Кабарде Хатокшоко Талостана через подсылку убийцы [Потто 1904: 107]. В свете этих обстоятельств сообщение источника об «отрядах наших (российских. – Т.А.) вторгавшихся в землю неприятельскую 1819 года под начальством главнокомандующего отдельным Кавказским корпусом генерал-лейтенанта Ермолова при разорении за Кубанью Маргушевскаго аула и изгнании хищников» [ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 5. Д. 8. Лл. 12–13] вполне конгруирует

с военно-политическими реалиями рассматриваемого времени. Более того, в контексте их динамики в последующие несколько лет Маргъуцей предстает как стойкий *petra scandalis* и неустрашимый источник турбулентности, осложнявший возможности имперского продвижения в регионе. Поэтому не случайно и не удивительно, что задачи нейтрализации «разбойничьего притона всех мятежных князей» [Потто 1904: 58] приобретают в глазах командования приоритетный характер.

Осенью 1821 г. генерал Ермолов возвращался из России с четким планом предстоящих действий против Кабарды. Более того, можно сказать, что командующий российскими войсками на Кавказе приступил к осуществлению задуманного *modus operandi* еще не прибыв на Кавказ. Косвенно об этом может свидетельствовать мнение Потто о последовательности действий генерала в это время. «В сентябре 1821 года Ермолов вернулся, наконец, из Петербурга; сооружение Сунженской линии приходило уже к концу, и ничто более не мешало энергическим действиям в верховьях Малки и Кубани. Остановившись на несколько дней в Георгиевске, чтобы видиться со Сталем, Ермолов условился с ним о мерах к полному и окончательному покорению кабардинцев [Потто 1904: 34]. Завязку сюжета с началом очередного натиска на Кабарду бытописатель Кавказской войны отразил вполне адекватно. Однако генерал вернулся в войска не ранее конца октября [Ермолов 2014: 264]. Резонно предположить, в этой связи, что историку, работавшему с канвой первоисточников по данному вопросу, встречались документы, позволявшие рассматривать сентябрь 1821 г. в качестве отправной точки масштабных мероприятий имперского командования.

Как бы то ни было к этому времени в диспозиции сторон, как выше отмечено с 1818 г., отличавшейся устойчивой повышенной напряженностью явственно стали проступать черты нарастающей эскалации. «Большая часть кабардинцев, предвидевших грозу, спешила удалиться в горы, где почитала себя в большей безопасности от наших нападений и рассчитывала встретить ближайшую поддержку со стороны закубанских народов», – отмечается при ретроспективном взгляде на сложившееся положение [Потто 1904: 34]. Данное обстоятельство, по-видимому, не смутило российского генерала: «Требуйте, – писал он К. Сталю, – чтобы все, желающие переселиться в горы, удалились отсюда до весны, а земли, покидаемые ими на плоскости предоставьте линейным казакам и Кабардинскому пехотному полку для бесплатных сенокосений. Чем менее жителей останется на прежних местах тем лучше, ибо менее будет мошенников в соседстве» [Потто 1904: 34]. Некритически восприняв старательно выстраиваемое самопозиционирование (через обильный эпистолярный, ведомственные документы и мемуары) Ермолова в качестве неутомимого бичевателя «мошенников» и бескомпромиссного проводника линии по устранению всякой двусмысленности в поведении упорствующих в «непостоянстве» черкесских визави подобный отклик можно расценить как проявление последовательности со стороны российского генерала. Однако сообщение, адресованное черкесам, главным элементом которого стало указание на предстоящую «весну» как на подразумеваемое время начала решительных действий, было всего лишь банальной уловкой. Предоставление временного люфта своим противникам в намерения генерала не входило.

О том, что между риторическими упражнениями, обращенными вовне, и реальной целеустановкой, определявшей приоритеты командования, прослеживалась слабая связь, можно судить по последовавшим указаниям Ермолова. Вскорости он приказал ввести в центральную Кабарду войска. Как отмечается в источнике, они «не должны были иметь нигде постоянного местопребывания, а быстрыми переходами появляться то здесь, то там, чтобы держать кабардинцев в страхе и недоумении» [Потто 1904: 35]. В предписании от 28 ноября 1821 г. им указывалось «поставить главнейшею целью не сражения или сшибки с кабардинцами, но лишение их стад и табунов, которых, конечно, они укрыть не могут, ибо

в горах, не менее жестокости времени, грозит им неприязнь утесненных народов...» [Потто 1904: 35].

Решение поставленных задач, по замыслу командования, обеспечивалось через привлечение к операции трех отдельных отрядов. Первый и самый крупный, Ермолов приказал составить из батальона Кабардинского полка в тысячу штыков, двух сотен линейных казаков и пяти орудий, под начальством подполковника артиллерии Коцарева. Со стороны военно-грузинской дороги должен был выступить отряд под начальством «чеченского пристава» есаула Чернова [Потто 1904: 35]. Одновременно в Константиногорске была сформирована особая подвижная колонна, состоявшая из двух рот Тенгинского полка, трех сотен линейных казаков и двух орудий под командованием майора Курило. К этому времени уже «создавший себе славу известного партизана» он характеризовался как «старый кавказец» владевший «приемами горской войны». Его отряд первым и совершил рейд против черкесов.

Для начала майоры Курило и Тарановский, высланные «с кабардинскими ротами из Екатеринограда, успели отогнать между Баксаном и Чегемом несколько стад, принадлежавших владельцам, удалившимся в горы». Следом Сталь поставил перед колонной майора Курило более серьезную задачу – нападение на «Маргушевскую деревню». Согласно Потто, это решение было принято с тем, «чтобы сразу отнять у закубанских племен охоту вмешиваться в наши дела с кабардинцами, а кабардинцам показать, что никакие союзники не предохранят их от ударов русского оружия» [Потто 1904: 38]. Артикуляция этой идеи обнаруживает бесспорную оценку Маргъушей со стороны российского командования если и не как доминантного фактора, определявшего весь спектр угроз из-за Кубани, то, по крайней мере, в качестве одного из его ключевых элементов, а в тогдашней конкретной обстановке противоборства на Линии он был опознан, как и наиболее опасный.

«Верстах в 50-ти от нашей границы, в конце долины, называемой Кардон-Тхали, у подножия высоких гор, приютился аул Моргушева, одного из знатнейших узденей Большой Кабарды, ранее других ушедшего к верховьям Кубани. Его то Сталь и обрек на истребление», – интонационно проявляя значимость этого замысла, писал Потто.

Далее последовательность действий против черкесов изложена следующим образом. «Несмотря на далекий путь (более ста верст), несмотря на дожди, туманы и плохие дороги, заставившие нас бросить даже орудия, Курило настолько умел скрыть движение колонны, что прошел это пространство никем незамеченный. Он уже приближался к аулу, когда несколько кабардинцев, случайно проезжавших по дороге, открыли отряд и предупредили жителей. «Уже за версту от деревни, – пишет Сталь в своем донесении, – слышен был ужасный вопль спасающихся женщин». Курило послал вперед казаков, и те, ворвавшись в аул, принялись рубить направо и налево; подоспевшая пехота довершила поражение, и аул был превращен в развалины. Отсюда Курило пошел к Каменному мосту на Малке, и все, что встречалось ему на пути: коши, аулы, хлеба и сено беспощадно предавалось огню. Солдаты буквально шли в облаках чёрного дыма и острили между собой: «Ну, наш Курило закурил и теперь не скоро уймется». В верховьях речки Урдо отряд захватил до пяти тысяч овец и с этой добычей вернулся в линию» [Потто 1904: 39].

В канве таких перипетий (несмотря на лаконичность зарисовки) просматривается авторская установка на соответствие образцам трехчастного драматургического повествования с соответствующими опорными точками. Однако представленная фактология сюжета очевидно нуждается в некоторых замечаниях. Пожалуй, уместно указать, что явному недоразумению с обозначением сначала 50-ти, а затем и 100-верстного расстояния «героически» преодоленного российскими

войсками на пути к Маргъущей под стать допущенный в авторских сентенциях паралогизм об успешной маскировке похода. Нельзя утверждать, что она была сохранена, если на подходе к объекту удара войска были обнаружены. Собственно, это и предопределил фактический провал операции; то что у жителей села эвакуация шла полным ходом, когда («слышен был ужасный вопль спасающихся женщин») войска еще были на расстоянии одной версты от него, уже опровергает «упакованную» автором в бравурную риторику картину штурма «Маргушевской деревни». Это значит, что маргушевские жители были извещены о надвигавшейся опасности еще тогда, когда русский отряд был на расстоянии существенно более значительном чем одна верста. По сути данное обстоятельство лишало нападавших преимущества эффекта внезапности. В этом случае с трудом можно представить, как три сотни казаков (в лучшем случае) без артиллерийской подготовки, в условиях пересеченной местности и нарушенного строя успешно атаковали изготавившихся к обороне обитателей аула. Не говоря о том, что село скорее всего было обнесено палисадом, и оно в это время, по степени концентрации профессиональных воинов на один населенный пункт, возможно не имело равных во всей Черкесии; одних князей в это время там числилось пять. Поэтому, ничего конкретного, кроме вполне художественных и мало обязывающих живописаний казачьей рубки «направо и налево» и превращения аула в руины в тексте представлено не было. Впрочем, насчет руин можно и согласиться: черкесы редко до последней возможности защищали атакуемые врагом села, когда их жителей удавалось эвакуировать. Возможность ускоренного и беспрепятственного оставления жилищ в условиях штурма к этому времени давно стала важнейшим критерием при выборе мест поселений у черкесов. Локализация вблизи или же в смежности с лесным массивом в наибольшей мере отвечала такому требованию и скорее всего Маргъущей не был исключением. Отсутствие пленных и последовавший форсированный марш в район «Урдо» для отбития скота могли быть вызваны только неудачей, постигшей российский отряд при попытке погрома Маргъущей. О том, что нанесенный маргушевцам урон никак не купировал их вредоносную с точки зрения командования активность можно судить по последовавшим событиям.

Так, вскоре трое черкесских князей – «Атажук Магометов, Хамурза Джембулатов и Карачай Казиев, поселившиеся в разоренном ауле Маргушова, собрали у себя до пятисот закубанских наездников и 31-го января 1822 года перешли Кубань у Каменного моста. Отсюда, сделав огромный переход, они в тот же день перенеслись к верховьям Кумы и без труда увели с собою за Кубань, как всех абазинцев, недавно наказанных майором Курило, так и два кабардинские аула Джантемирова и Трамова. Воспрепятствовать этому побегу мы не могли: на Куме у нас не было войск, а стянуть сюда все тенгинские роты, разбросанные по селениям Ставропольского уезда, было бы мерой крайне рискованной, так как партия, предводимая такими отчаянными разбойниками, не преминула бы броситься на самую селения» [Потто 1904: 44].

Не без удивления Потто сообщает и о следующем. «Еще донесение об этом происшествии не успело дойти до Сталя, как та же партия 4-го февраля вторично появилась в окрестностях нынешней Баталпашинской станицы и в глухом овраге, между постами Тамлыцким и Кумским, встретила казачьего офицера, ехавшего в сопровождении одного драбанта. Драбант был убит, но офицер, соскочив с коня, успел укрыться в кустах. Между тем выстрелы были услышаны, и к месту тревоги поскакали с одной стороны донские посты, и к месту тревоги поскакали с одной стороны донские посты, под личную команду командира полка подполковника Тарасова, с другой, – конный резерв Кубанского казачьяго полка с сотником Кузнецовым. Собралось около 90 казаков. В эту минуту по ту сторону балки, где скрывались хищники, показался скакавший на тревогу во весь опор Кумский пост из 10-ти казаков при уряднике Вагине; он быстро спустился в овраг, но более из

него уже не показывался. Несколько выстрелов, крики, шум рукопашной схватки – и все смолкло. Тарасов и Кузнецов, видя опасность, которой подвергся малочисленный пост, с редким самоотвержением бросились на выручку, но в эту минуту черкесы сами поднялись из балки – и целой массой ударили в шашки. Казаки, слабейшие числом, не могли устоять и были опрокинуты, оставив на месте боя 12-ть тел и одного раненого». В результате Кумский пост был уничтожен [Потто 1904: 45].

Активность маргушевцев на этом не прекратилась и очередной рапорт извещал, что по прошествии всего лишь нескольких дней, те же князья, в третий раз «ворвавшись в наши пределы, угнали с р. Невинки, верстах десяти от Кубани, табуны ногайскаго владельца Азамат-Гирея. Но и после этого партия не разошлась по домам; она расположилась в верховьях Большого Зеленчука и стала высылать отсюда мелкие разбойничьи шайки, проникавшие даже до самого Ставрополя. Лазутчики передавали, что князья Мисостовы и Атажукины часто ездят на Зеленчук к этому сборищу и ведут деятельные переговоры о том, чтобы перевести за Кубань подвластные им аулы» [Потто 1904: 45]. Последнее сообщение ориентирует в сторону выяснения роли «маргушевского» фактора в подготовке и обеспечении инфраструктуры успешной эвакуации многих тысяч мигрантов в условиях военных действий из центральной Кабарды на кубанское левобережье в 1822 г. Во всяком случае следует обратить внимание, что очередное нападение на Маргъушей в конце июня 1822 г. стала заключительным аккордом ермоловского вторжения в центральную Кабарду. После завершения военных действий в Баксанском ущелье против Хатокшоко Талостана, сконцентрированный кулак под командованием начальника штаба войск Линии генерал-майора Вельяминова «отправлен был за Кубань к Каменному мосту с целью, во-первых, помешать бежавшим кабардинцам увести свои семьи, а во-вторых, истребить аул Маргъушева». Итог этой операции зафиксирован следующим образом: «После сильной перестрелки аул был сожжен, и стада его захвачены» [Потто 1904: 58]. Однако и этот удар не стал фатальным для Маргъушей. Он еще «долго» оставался неуязвим для противника [Потто 1904: 45].

Источники и литература

1. *Алов Т.Х.* Герой Vice versa: не совладавший с предназначением // Вестник Кабардино-Балкарского Института гуманитарных исследований. № 3 (42). 2019. С. 23–33.
2. *Алов Т.Х.* Становление хаджретского палладиума: Маргъушей («Маргушевский аул») в 1804–1819 гг. // Известия Кабардино-Балкарского научного Центра РАН. № 6 (98). 2020.
3. *Ермолов А.П.* Кавказские письма. 1816–1860. СПб., 2014. 830 с.
4. *Потто В.А.* Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. III. Ч. II. Тифлис, 1904. 590 с.
5. Центральный Государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (ЦГА КБР).

MARGUSHEI («MARGUSHEVSKY AUL») – LOCUS MAJORIS OF KABARDA DURING THE YERMOLOVS OFFENSIVE (1819–1822)

Aloev Timur Khazrailovich, Candidate of History, Senior Researcher of the Department of Medieval and Modern History of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), aloborsa@mail.ru

The Hajret epic, unfolding for more than sixty years, made up an entire era and formed a «special profile» in the Circassian Resistance during the Caucasian War. A comprehensive study

of the factual fabric of such a large-scale and multidimensional phenomenon and its proper conceptual understanding at this stage has not been achieved. In this work, an attempt is made to consider the processes that determined the essential features of the Hajret movement in the crucial period for Greater Kabarda, 1819–1822 through the prism of a chorographic perspective. Research attention is focused on the position of the Khajret village of Margushche, which settled on the Kuban left bank at the beginning of the century in an actual military-political configuration that determined the position of the leading Eastern Cherkess principality. Initially, only a historical and local focus was assumed for considering the position of the fiefdom of the Circassian dyzhnygyue Margush with the presumption of the peripherality of the plots associated with it. However, the density, nature and dynamics of events correlated with Margushev's presence in the Eastern Trans-Kuban region of this period determined the legitimacy of placing this storyline at the center of the Hajret narrative.

Keywords: Margushei, Margushevsky aul, hajrets, Kabarda, Caucasian line, Circassia, military confrontation, Eastern Trans-Kuban region.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-2-47-7-13